

Козачев Михаил
(актер и режиссер)

13.10.94

ФОТО ДМИТРИЙ АСТАХОВ «ИЗВЕСТИЯ»

→15

АКТЕР МИХАИЛ КОЗАКОВ:

Известия - 2004 - Витя Шендерович - с. 15

«КТО, Я АРТИСТ? ДА ВЫ МЕНЯ СОВСЕМ НЕ ЗНАЕТЕ»

Завтра исполняется 70 лет человеку, чья жизнь сама по себе могла бы стать сюжетом для небольшого рассказа. Фантастический красавец, бывший эмигрант, автор культовых телефильмов, певец антрепризы, чтец стихов и друг поэтов, он по-прежнему горопится жить, готов негодовать, клеймить и восхищаться. Накануне своего юбилея Михаил КОЗАКОВ дал интервью обозревателю «Известий» Марине ДАВЫДОВОЙ.

Михаил Козаков: Настроение, в котором я даю интервью, — сложное. Потому что живе... Уже сорок дней прошло или нет с бесланских событий? Я не мизантроп. Не мрачный человек. Романтик в чем-то, но такого ощущения — не только от Беслана, но и от того, что было до него, и от того, что после, — у меня не было никогда. Даже когда в Израиль уезжал. Даже при Брежнев, хотя я

любил большевиков, как глазную боль. Даже когда друзей в психушки сажали. Потому что раньше было ясно, с кем обниматься и стоять по одну сторону баррикад. А сейчас нет интеллигенции, есть отдельные интеллигенты. А уж взяться им за руки — это совсем... Это, как говорят в Одессе, перестаньте сказать.

Марина Давыдова: Просто жизнь теперь куда сложнее устроена.

Козаков: Да просто она устроена. Просто. Есть порядочные люди и есть непорядочные. И все. Часть порядочных вымерла. Часть не хочет браться за руки, потому что потеряли всякую веру. Вот меня возмущает просто: в 1991 году, когда товарищ Ельцин встал на танк и была объявлена свобода, все немедленно начали говорить на любые темы. Только сказали «цыц», как все заткнулись.

Давыдова: Почему же заткнулись. Вы же сейчас говорите.

Козаков: Есть и такие. Есть Юра Рост, Витя Шендерович, Станислав Рассадин. Я же не говорю, что их совсем не стало.

Давыдова: В случае с Бесланом я, по правде сказать, не очень понимаю, против кого надо взяться за руки.

Козаков: Как против кого? Против лжецов.

Давыдова: Ох, если бы можно было, взявшись за руки против лжецов, предотвратить Беслан. Тут ведь проблема позаковыристей.

Козаков: (Повышая голос.) Так раньше надо было думать об этом. Раньше. Товарищ Ельцин должен был думать об этом в девяносто каком-то году, когда он не мог договориться с Дудаевым. Надо было думать, кто оружие дудаевым продает. Вы меня лучше даже не заводите. Меня просто трясет от их глупости, коррупции, продажности. → стр. 15

АКТЕР МИХАИЛ КОЗАКОВ:

«КТО, Я АРТИСТ? ДА ВЫ МЕНЯ СОВСЕМ НЕ ЗНАЕТЕ»

(Звонок. В раздражении берет трубку.) Что нужно? ИИН? Какой ИИН? Да у меня сроду его не было. Где его получать даже не знаю. Что? Ну значит, не беру я у вас гонорар. (Кладет трубку.) В общем, у меня сейчас очень двойственное настроение. С одной стороны, я работаю увлеченно. Сейчас вот делаю фильм о Шекспире. Монтирую его на ТВЦ до поздней ночи. Фильм художественно-документальный. Три серии. От Гамлета до Лира и от Сталина до Беслана. В моей жизни было шесть шекспировских ролей — Гамлет, Полоний, Тень Отца, Шейлок, Лир и еще роль в «Комедии ошибок». И я сначала решил просто рассказать об этих ролях. Но Шекспир, знаете, не позволил. Чем дальше, тем больше я уходил от себя. Стал анализировать время, эпоху. В этом фильме будет много хроники, отрывки из спектаклей будут причудливо переплетаться с документальными кадрами. Там будут и Смоктуновский, и Высоцкий, и Михоэлс, и Оливье, и Гилгуд, и Скофилд, и Максим Суханов. Но

будет еще и Ленин, и Сталин, и Гитлер с Гельсом. Там проходит вся моя жизнь и жизнь моего поколения. А в конце будет Беслан. Я же в «Короле Лире» (это мое ноу-хау) несусь в финальной сцене на руках ребенка. А дальше пойдут документальные кадры. Дальше другие Лирсы понесут своих детей — от Хатьни до Беслана.

Давыдова: Вот видите, вы снимаете то, что хотите. Это уже немало.

Козаков: Да, удалось протолкнуть. А теперь — где это будет и в какой час ночи пойдет? Не знаю. Не знаю.

Давыдова: Но работать вам никто не мешает?

Козаков: Нет, я работаю. И в день рождения буду работать. Я никогда их не отмечал и теперь не буду. И передачи мои пойдут по телевизору. Я же не о своей жизни говорю. Со мной все в порядке. Я о том, что происходит в стране. Недавно вот с интересом узнал, что в Ленинграде теперь по путинским местам экскурсии устраивают. Здорово, да?

Давыдова: Но не Путин же распорядился, чтобы по его местам экскурсии водили. Просто народ у нас начинает прогибаться еще до того, как на него начали лавить. Мне лично этот самый народ, именем которого по-прежнему клянется интеллигенция (или то, что от нее осталось), еще несимпатичнее власти.

Козаков: Да, конечно. Не Путин экскурсии устроил. Но, говорят, и Крупская сказала: не надо Ленину Мавзолей, давайте на эти деньги больницу построим. А Сталин! Вообще аскет был. Мне очень понравилась одна история про него. Марина Юдина гениально играла вторую часть моцартовского 23-го концерта. Абсолютно гениально. Никто так, как она, не играл. Сталина это очень вдохновило, и он прислал ей 20 тысяч рублей. Огромную сумму по тем временам. Все равно как сегодня — полмиллиона долларов. Она была человек православный — отравила эти деньги в детские дома, поблагодарила Иосифа Вис-

сарионовича и сказала: я постараюсь за вас молиться, но боюсь, что это не поможет. И он ее посадил. А! Какая история! Это я так вспомнил, к слову.

«ЗАЧЕМ УЧИТЬ ЛЮДЕЙ СИСТЕМЕ СТАНИСЛАВСКОГО, КОГДА ИМ ПРИДЕТСЯ ПОТОМ СНИМАТЬ ШТАНЫ И ПРОИЗНОСИТЬ НА КАМЕРУ ЧЕТЫРЕ РЕПЛИКИ»

Давыдова: Вам по-прежнему интересно работать в театре? Такой вот дурацкий вопрос вам задам. Ведь человек в какой-то момент начинает жить воспоминаниями...

Козаков: Да какие воспоминания! Я столько всего делаю. Я записываю пластинки. У меня только сейчас должно выйти четыре диска. Я сделал «Евангелие от Мастера». Это по Булгакову. Я сделал два диска по Лермонтову. Там и кавказская проблема затрагивается, да и вообще ее обожаю. Я сделал диск «Любовь моя Одесса». У меня вышла книга и уже почти готова вторая. Я снимаюсь в двух фильмах. Там две большие роли, одна психологическая, другая комедийная. Репетирую новую программу по Давиду Самойлову. Играю Лира. Какие, к черту, воспоминания!

Давыдова: Вы, вероятно, меня неверно поняли. Просто до определенного момента человек живет с ощущением, что главные события его жизни — в будущем. А потом с ощущением, что они уже в прошлом. Можно при этом быть очень активным, делать 25 фильмов, но это ощущение константно. Так вот вы с каким ощущением живете? Особенно если учесть, что прошлое нашего театра было великим, а настоящее как-то не очень.

Козаков: Ну если мы с вами начнем об этом говорить, то держитесь. Конечно, я вижу, как разваливается школа театральная, как репертуарный театр трещит по швам. Это еще Фоменко может держать из последних сил свою студию. Или Марк Захаров. Но в основном — беда. Вот сейчас с «Лиром» в Моссовете. Только один раз в месяц можно играть спектакль, определенного числа. Почему? А потому что один едет на гастроли в Англию, другой на съемки, третий еще куда-то. Мне предложили недавно в театре что-то поставить, я сказал — нет, спасибо. Я и в антрепризе перестал ставить. Потому что даже когда деньги платили, не помогает. В другом месте платят еще больше. Я когда репетировал Лира, я просто восхитился Хомским. Как он в семьдесят с лишним лет вообще эту братию держит. Бывало так, что я один на репетиции приходил. Нет, в режиссуру театральную я больше не сунусь. Я всего этого нахавался в Театре Сатиры. И в результате не сумел там сделать ничего. И больше не переступлю порог этого театра. Там один артист, заслуженный, все времени у него не было на репетиции. Потом выяснилось, что он в качестве челнока подрабатывает. Мне как сказали, я обалдел. Заслуженный артист такой-то — челнок. Совсем уже с ума посходили от жадности. Что-то я завелся. Зря. Пошли они все к дьяволу. И этот их главный, у которого в кабинете путинский портрет висит.

Мне говорят, чего ты преподавать не идешь. А зачем? Зачем учить людей системе Станиславского, нюансам, искусству произносить монологи, когда им придется потом стрелять от пуза, снимать штаны и более или менее естественно произносить на камеру четыре реплики?

Давыдова: Плохо не то, что снимают сериалы или выпускают глянцево-журналы. Их везде снимают и выпускают. Путает тотальная поповизация.

Козаков: А я, кстати, всегда, защищая антрепризу, говорил: поглядите вокруг, чем репертуарный театр от нее сейчас отличается? Тот же «Ленком», мною любимый. Когда-то давно я предложил Марку Захарову поставить миллионную пьесу Сэйда «Чествование», и он мне сказал: Миша, но ведь это очень бродвейская пьеса. И что же. Сегодня у Марка в театре три обожаемых мною артиста — Янковский, Чурикова, Збруев — играю в коммерческой лабуде под названием «Все оплачено». Уже и сюда все это проникло. Да лучше я буду читать Бродского, Лермонтова, Пушкина, Цветаеву. Ездить по городам, по всем. В Норильск, в Воронеж. На нормальную жизнь хватит. Птичка по зернышку клюет.

«СЕЙЧАС ГОВОРЯТ, ЕСТЬ ДАЖЕ ТЕАТР ЛОШАДЕЙ. НЕ ПОНИМАЮ Я ЭТОГО»

Давыдова: Знаете ли вы современный западный театр, и если знаете, могли бы вы вписать его в параметры?

Козаков: Ну когда я в Америке гастролирую, я часто смотрю мюзиклы. Классные. Это один из любимых моих жанров. Европейский театр я знаю хуже. Но несколько лет тому назад на Чеховском фестивале я видел «Чайку» одного австрийца... Как его — Бондэ, что ли...
Давыдова: Люк Бонди.
Козаков: Очень здорово. Такой нешумный новатор. Изумительное сочетание классицизма и модерна. Но вообще-то я традиционалист. Я не люблю режиссерских изысков. Мне в первую очередь нужна хорошая пьеса.
Давыдова: Я потому и спросила о вашем знакомстве с современным западным театром. Он ведь часто существует вообще безо всяких пьес. Он решительно не похож на то, что мы имеем сейчас в России, но и на то, что имели, тоже не похож.

Козаков: Нет, нет. Мне такой театр неинтересен. Я не говорю, что это плохо. Не мне судить. Но я литературоцентричен. И потом я никогда не любил авангард. Почему я восхищаюсь Бродским? Потому что он неоклассицист. А Хлебников — это поэт для поэтов. Он меня не трогает.

Давыдова: Выбирая между Хлебниковым и Мандельштамом, я тоже, не задумываясь, выберу Мандельштама. Но выбирая между тухлым традиционализмом, которого у нас пруд пруди, и сильным тамошним авангардом, предпочту авангард.

Козаков: А я вот не могу так сказать. Я «В ожидании Годо» раз двадцать смотрел — и всегда засыпал. И все равно я буду любить Осборна, а не Беккета.
Давыдова: Хотя, объективно говоря, Беккет неизмеримо более крупная личность, чем Осборн.

Козаков: А кто это вообще сказал?

Давыдова: В данном случае это я говорю.

Козаков: Говорите — ваше право. Но никогда никакого Беккета я играть не хотел. И играть холодные построения режиссеров мне тоже ужасно скучно. Сейчас, говорят, есть даже театр лошадей. Может, это талантливо. Не знаю. Не понимаю я этого.

Давыдова: Разница между театром лошадей (вы, наверное, французский театр «Зингаро» имеете в виду) и тем театром, который вы любите, примерно такая же, как между живописью передвижников и современным акционизмом. Невозможно же сравнивать Сурикова и Илью Кабакова.

Козаков: А я и Илья Кабакова вашего не очень люблю. Не имеет это все ко мне отношения.

«НАВЕРНОЕ, Я ПЛОХОЙ ХРИСТИАНИН. ПОСТОВ НЕ СОБЛЮДАЮ. МНОГОГРЕШЕН. НО ЕСЛИ БЫ НЕ ВЕРА, МЕНЯ ДАВНО УЖЕ НЕ БЫЛО БЫ»

Козаков: Мне недавно рассказали такую историю. Я был в Питере моем родном. А я дружу с Зоей Борисовной Томашевской, дочерью Бориса Томашевского. Она архитектор. Ей уже лет 80. Сам я жил в Петербурге на канале Грибоедова, дом 9, писательская надстройка. Там жили изумительные люди — Каверин, Эйхенбаум, Шарп, и Зошенко жил. На доме доска его мемориальная, музей Михал Михальча. И вот Зоя мне рассказывает: «Представляешь, говорит, выхожу я на улицу. Объявлен День мира. И вот по нашему каналу Грибоедова, бывшему Екатерининскому, бегают толпы молодых и веселых отморозенных. Кириют они пиво из банок, а потом свыряют их в канал Грибоедова. Канал вспенился. Но это еще не все. Аккуратно возле доски Зошенко стоит голубого цвета писсуар. И человек предприимчивый за пять рублей пускает туда попивших пиво». Чем не зошенковский сюжет? И все это — ложь нашей власти, хамство, парящее вокруг, — все это звенья одной цепи. А что же вы хотите? Сначала после 17-го года уехали люди. Потом лагеря, потом война добилась, потом опять волны эмиграции. Идет чудовищная деградация населения. А его еще и специально оглуляют.

Давыдова: Сложно жить, когда так все чувствуешь. У вас есть какая-то опора в жизни?

Козаков: Да, есть. Я человек верующий. Крестился в пятнадцать лет. Еще при Сталине. И, наверное, я плохой христианин. Не очень воцерковленный. Постов не соблюдаю. Грешен. Многогрешен. Но если бы не вера, меня давно уже не было бы.

Давыдова: А ваша семья?

Козаков: Отец был еврей. Но неверующий. Агностик, как теперь сказали бы. Мама в детстве была очень верующей. Потом тоже стала агностиком.

Давыдова: То есть это ваш личный выбор, а не продолжение семейной традиции?

Козаков: Да. Я и жену мою первую уговорил креститься. Я вообще-то не мистик, но удивительные совпадения в жизни бывают. Я лежал как-то в больнице, находился в депрессии по многим причинам. Крутило меня, вертело. И я попросил своих: принесите мне Толстого. Что, спрашивают. Я говорю: принесите пьесы. Читаю их — «Плоды просвещения», «Живой труп». Вдруг наткнулся на «И свет во тьме светит». Что это, думаю, за название. Вроде «Не в свои сани не садись». Открываю, начинаю читать. Бапошки, да это автобиографическая пьеса. И она меня перепала. Я написал по ней сценарий. Это любимая моя работа. Ее редко показывают по телевизору; но показывают. И я был первым человеком, который ее поставил, хотя она вообще-то совсем не сценична. Но там так показаны помыслы Бога.

Давыдов: Но ведь Толстой не христианин, он скорее стихийный буддист.

Козаков: Не знаю, для меня он христианин, потому что он человек, ищущий Бога.

Верить не всегда получается. Интеллигентское сознание — это же качели такие между верой и безверием. Но желание, чтобы вера была, и желание, чтобы она вернулась, когда она уходит, вот что важно.

Давыдова: А нет противоречия между вашими поисками веры и самой профессией, в которой вы существуете и которая неизбежно предполагает суетность, мелочность, интрижность?

Козаков: Это какая же профессия?

Давыдова: Ну как. Актёр.

Козаков: А я разве актёр? Да вы меня тогда не знаете совсем. Я давно уже выдаломся из этой странной, зависимой, бабской профессии. Я ведь и стихи начал читать еще до того, как стал играть на сцене. Я их читаю всю жизнь. Это для меня как музыка. А музыка — величайшее из искусств. Потом после музыки поэзия. Но не театр.

Нет, конечно, я люблю играть. И вслед за великим Лоуренсом Оливье могу сказать, что иногда, в редкие минуты, когда я играю на сцене, я понимаю, что именно сейчас я живу. Сейчас — не до спектакля и не после. Но я был бы несчастный человек, если бы ощущал себя только артистом. Я всегда боролся за независимость и автономность свою. Почему я бросал все и уходил из театра? Чтобы «по приходу своей скитаться здесь и там, дивясь божественной природы красотам». И с Божьей помощью добился абсолютной независимости — от театра, от кино, от критики. Я теперь свободен.

Главное — не потерять желание творить, не расплескать то, чем Он тебя наполнил.

Я сегодня шел из бассейна. А я обожаю желтую осень. Прохладу эту. То, как падают кленовые листья. «Октябрь уж наступил, уж роща отряхает последние листья с обнаженных ветвей». Так я от бассейна шел и читал это стихотворение. И подумал: Господи, жить опять хочется, верить хочется.

Знаете, в своем спектакле «Играем Стридберг-блюз» я дописал одну фразу. Там идет разговор, и один герой спрашивает другого: «Ты в Бога веришь?». А тот отвечает: «Пока я жив, Бог есть». Это моя фраза. Я давно понял, что бы там ни было дальше... Пусть тьма беспросветная. Пока я жив, Бог есть.

